

ЗОЛОТЫЕ ОЛЕНЬИ ЕВРАЗИИ

Олень был одним из самых почитаемых животных не только у кочевых племен Евразии, но и у многих других азиатских и европейских народов. Образ этого животного, пожалуй, наиболее распространен в древнем искусстве, что является отражением существования различных представлений — тотемических, мифологических, сказочных, религиозных — о месте оленя в жизни человека и общества. Одним из наиболее известных мотивов является связь оленя с Мировым Деревом.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

ЦЕНТР ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ УФИМСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

ЗОЛОТЫЕ ОЛЕНИ ЕВРАЗИИ

Санкт-Петербург
2003

Издание подготовлено в рамках выставки «Золотые олени Евразии», проводимой в Государственном Историческом музее с 20 февраля по 21 апреля 2003 года

Выставка и издание подготовлены Государственным Эрмитажем совместно с Центром этнологических исследований Уфимского научного центра Российской Академии наук (УНЦ РАН) и Государственным Историческим музеем (ГИМ) при участии Ростовского областного музея краеведения (РОМК)

Организационный комитет:

Санкт-Петербург:

М.Б. Пиотровский, директор Государственного Эрмитажа, член-корреспондент Российской Академии наук, действительный член Российской Академии художеств, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Г.В. Вилинбахов, заместитель директора Государственного Эрмитажа по научной работе, кандидат исторических наук

В.Ю. Матвеев, заместитель директора Государственного Эрмитажа по выставкам и развитию, кандидат искусствоведения

А.Ю. Алексеев, заведующий Отделом археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа, доктор исторических наук

Уфа:

Р.Г. Кузеев, член-корреспондент Российской Академии наук, действительный член Академии наук Республики Башкортостан, доктор исторических наук

М.Д. Киекбаев, и. о. директора Центра этнологических исследований Уфимского научного центра Российской Академии наук, доктор социологических наук

А.Х. Пшеничнюк, заведующий Отделом археологии Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской Академии наук, кандидат исторических наук

Москва:

А.И. Шкурко, директор Государственного Исторического музея, кандидат исторических наук

Т.Г. Игумнова, заместитель директора Государственного Исторического музея по зарубежным связям и выставочной работе

Д.В. Журавлев, научный сотрудник Отдела археологических памятников Государственного Исторического музея

К.Б. Фирсов, научный сотрудник Отдела археологических памятников Государственного Исторического музея

Ростов-на-Дону:

Т.И. Коневская, директор Ростовского областного музея краеведения

Под общей научной редакцией Р.Г. Кузеева, М.Б. Пиотровского, А.И. Шкурко

Авторы статей: А.Ю. Алексеев, Е.Ф. Королькова (Санкт-Петербург), А.Х. Пшеничнюк (Уфа), Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов (Москва)

Фотографы: Ю.А. Молодковец, В.С. Терехин, Б. Уайт, Л.Г. Хейфец, М.Н. Кравцов

Организаторы выставки выражают благодарность Н.А. Захаровой (Государственный Эрмитаж) за участие в проекте

В подготовке выставки приняли участие: Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов, А.П. Мошинский, Е.Ю. Новикова (Государственный Исторический музей)

Реставрация экспонатов из собрания Центра этнологических исследований УНЦ РАН проведена в Лаборатории научной реставрации произведений прикладного искусства Государственного Эрмитажа (А.И. Бантиков, С.Г. Буршнева, Р.А. Вакуненко, А.И. Карпеченков, Н.А. Панченко, О.Л. Семенова, О.Ю. Сенаторова, А.В. Чулин, Н.Б. Янковская) и в Лаборатории научной реставрации произведений из органических материалов Государственного Эрмитажа (К.Ф. Никитина, Е.А. Чехова) в соответствии с реставрационными заданиями и под наблюдением Объединенной реставрационной комиссии Государственного Эрмитажа и Центра этнологических исследований УНЦ РАН (Ф.Ш. Абсаликова, А.Ю. Алексеев, А.И. Бантиков, В.Ю. Матвеев, Р.С. Минасян, А.Х. Пшеничнюк) при содействии Музея Метрополитен, Нью-Йорк

Реставраторы Государственного Исторического музея: А.Д. Петрова, В.А. Ширяков

Подготовка документации:

Государственный Эрмитаж (Н.Б. Андреева, О.Е. Ильменкова, А.К. Мартынов); Центр этнологических исследований УНЦ РАН (И.Г. Петров, Н.Г. Рутто); Государственный Исторический музей (С.А. Хорошев, А.А. Ларина).

Художник выставки: А.С. Миронов

Художественное оформление и монтаж: Республиканский музейный центр (О.А. Соколова)

Упаковка и транспортировка: компания «Хепри», Санкт-Петербург (А.П. Самойлов), ОАО «Хазенкамп – Русский музей», Санкт-Петербург (П.В. Россо)

Редактор: О.А. Федосеев

Дизайн издания: И.М. Далекая

Олени Филипповки

А.Х. Пшеничнюк

Ранний железный век с полным основанием можно назвать самым ярким периодом древней истории степной полосы Евразии. В первую очередь это нашло отражение в уникальных археологических памятниках – огромных курганах и курганных могильниках, являющихся красноречивым свидетельством пышного погребального церемониала. Как правило, захоронения кочевой знати сопровождались богатейшими жертвоприношениями – забитыми верховыми лошадьми, оружием и конским снаряжением, украшениями, предметами туалета, посудой. Значительное место среди них занимали ювелирные изделия, выполненные из драгоценных металлов в так называемом звенином стиле.

Мировую известность получили знаменитые погребальные сооружения скифов и саков: Чертомлык, Соколоха, Толстая могила в Причерноморье, Пазырыкские и Туэктинские курганы на Алтае, курган Иссык в Казахстане и многие другие. Своего рода связующим звеном между Западом и Востоком, Причерноморьем и Сибирью явились Филипповские курганы, сооруженные в центре степного кочевого мира, в междуречье Волги и Урала.

Курганы расположены в открытой степи на левом берегу р. Урал близ впадения в него р. Илек, в 100 км к западу от г. Оренбурга. Могильник насчитывал двадцать пять земляных курганов различных размеров, высотой от полуметра до семи метров. В течение пяти

Деревянные двухплоскостные скульптуры оленей

IV век до н. э.
Золото, серебро, дерево.
51,2 x 45,3 x 25 см;
51,2 x 41,5 x 30,5 см
Курган 1
МАЭ УНЦ РАН.
Инв. № 831/1222, 1230

Филипповский могильник. Раскопки 1-го кургана.
Только что найденные фигуры оленей

полевых сезонов – 1986–1990 годов – экспедицией Института истории, языка и литературы УНЦ РАН под моим руководством было раскопано семнадцать курганов, давших очень богатый и разнообразный материал по истории, культуре и искусству древних кочевников Южного Урала.

Пользуясь случаем, хочу высказать большую благодарность всем, кто так или иначе оказал помощь и содействие в раскопках Филипповских курганов. В первую

очередь это Оренбургский педагогический университет в лице Н.Л. Моргуновой, доктора исторических наук, профессора, заведующей кафедрой истории России. Без ее помощи и помощи ее друзей раскопки едва ли могли состояться. Я очень благодарен Г.Б. Здановичу, заведующему кафедрой археологии, этнографии и социоестественной истории Челябинского государственного университета, директору заповедника «Аркаим», за поддержку, оказанную в первый, самый трудный год раскопок. Прибывшая на раскопки из Челябинского государственного университета группа научных сотрудников и студентов оказала нам неоценимую помощь.

Большую моральную помощь и поддержку в тот период оказали нам археологи Волгоградского государственного университета во главе с талантливым археологом и историком, моим близким другом, Б.Ф. Железчиковым. Необходимо также выразить огромную благодарность сотрудникам Института, принимавшим участие в раскопках Филипповки: И.М. Акбулатову, В.Н. Васильеву, Ф.А. Сунгатову, В.А. Иванову, В.К. Федорову, Р.М. Гиндуллиной, Т.К. Суриной, Э.З. Шаповаловой, Г.А. Бикмухаметовой, и многим другим – студентам, ученикам школ, сотрудникам, проводившим свой отпуск на раскопках, – словом, всем, кто так или иначе принимал участие в этой уникальной работе.

Хочу высказать особую благодарность и признательность руководителям местных организаций, без доброго отношения которых раскопки Филипповки просто не состоялись бы. В первую очередь это Краснохолмская передвижная механизированная колонна, возглавляемая в тот период Л.Н. Зилистом, и совхоз им. Георгия Димитрова во главе с его директором В.П. Шубиным.

Наибольший интерес, безусловно, представляет центральный курган Филипповского могильника (курган № 1). Его диаметр около 120 м, высота более 7 м; по самым скромным подсчетам первоначальная высота кургана составляла не менее 15–20 м. Обнаруженное в кургане захоронение прославило Филипповку на весь мир. В неоднократно грабленной огромной могиле, в двух непотревоженных тайниках и во входном коридоре в погребальную камеру было обнаружено большое количество самых разнообразных вещей, характеризующих хозяйство, быт, культуру и искусство древних кочевников Южного Урала.

Самой яркой и характерной особенностью находок из Филипповки является так называемый «звериный стиль» (изображения животных на предметах), широко распространенный в памятниках всех кочевых обществ раннего железного века.

Филипповский курганный могильник.
Процесс раскопок

Филипповский курганный могильник.
1-й курган. Общий вид до раскопок

Звериный стиль Филипповки представлен изображениями множества животных. Кроме хищников, охотящихся на обитателей степей, древних художников интересовали также птицы, рыбы и змеи. Однако ведущее место среди всех изображений занимает олень. Он (фигуры, головы или только рога) изображен на ста восьмидесяти восьми предметах.

Наибольший интерес, безусловно, представляют двадцать шесть скульптур оленей, найденные в

I и II тайниках и во входном коридоре в погребальную камеру. Скульптуры изготовлены из дерева и обиты золотыми и серебряными листами. Представлены они двумя основными типами: одноплоскостные (16 экз.), у которых рога и туловище выполнены в одной плоскости, и двухплоскостные (10 экз.), у которых рога крепятся перпендикулярно туловищу. Размеры скульптур впечатляют – их высота 40–50 см, размах рогов 20–25 см.

Позы оленей разнообразны, различны и приемы их изображения. Все деревянные, обитые золотыми и серебряными листами скульптуры оленей из тайников стоят в спокойной позе с поднятой головой. В аналогичной позе изображены олени на ряде оковок стенок деревянных сосудов. Единая поза также у всех оленей, изображенных на бляшках-накладках из тайника II – с подогнутыми ногами, голова животного покоится на передних ногах. Для многих оковок сосудов характерно изображение оленя с выгнутой шеей и опущенной на грудь головой. Туловище оленя непропорционально короткое, сильно стилизованное, оно своеобразно переходит в заброшенную за спину животного заднюю ногу. Ряд оленей изображены в позе стремительного прыжка – с вывернутыми и заброшенными за спину задними ногами, или свернувшимися, с повернутой назад головой. Довольно часты парные изображения оленей: головой к голове, головами в противоположные стороны, идущие друг за другом.

Для всех изображений оленей Филипповки, как и для встречающихся на памятниках соседних раннекочевнических культур, характерен акцент на изображение рогов животного. Зачастую рога занимают большую площадь, чем изображение самой фигуры оленя.

Судя по тем многочисленным находкам, которыми мы располагаем, олень, безусловно, был одним из самых высокопочитаемых (священных) животных в среде ранних (древних) кочевников Южного Урала. Вполне допустима версия, что древние кочевники считали оленя тотемом, воспринимая его как прародителя или далекого предка.

С полным основанием можно говорить о существовании у ранних кочевников Южного Урала (а вероятно, и всей степной полосы Евразии) культа оленя. Нет никаких данных о том, что олень как-то использовался в утилитарных, хозяйственно-бытовых целях – как тягловое животное, в качестве мясной пищи и т. д. Олень являлся, на мой взгляд, для древних кочевников священным животным: ему поклонялись, его изображали на многих предметах.

Звериный стиль Филипповки, как и других синхронных памятников культуры кочевников степей Евразии, несет в себе не только, а возможно, и не столько декоративную и художественную нагрузку, но является отражением мировоззрения древних кочевников, философским осмыслением их связи с окружающим миром, природой и космическим пространством.

Деревянные двухплоскостные скульптуры оленей

IV век до н. э.
Золото, серебро, бронза, дерево.
Высота фигур 49–51 см,
длина 39–41 см, ширина
рогов 29–30 см
Курган 1
МАЗ УНЦ РАН.
Инв. № 831/1213, 1219, 1221

Височная подвеска

IV век до н. э.
 Золото. Диаметр кольца 2,7 см;
 длина цепочки 6,5 см
 Курган 1
 МАЭ УНЦ РАН. Инв. № 831/1188 а, б

**Наконечник ремня –
украшение конской сбруи**

IV век до н. э.
 Золото. 5,4 x 1,7 см
 Курган 1
 МАЭ УНЦ РАН. Инв. № 831/411

**Четыре разделителя ремней –
украшения узды**

IV век до н. э.
 Золото. Высота 2,4–2,5 см, ширина 1,7 см
 Курган 1
 МАЭ УНЦ РАН. Инв. № 831/392–395

Кувшин

Конец V – начало IV века до н. э.
Серебро, золото. Высота 23 см;
диаметр тулова 16 см
Курган 1
МАЭ УНЦ РАН. Инв. № 831/387

Котел

IV век до н. э.
Бронза. Диаметр устья 81 см; высота 73 см
Курган 1
МАЭ УНЦ РАН. Инв. № 831/1239

Сбруйная бляха (фалар?)

IV век до н. э.
Бронза. 17,3 x 15 см
Курган 1
МАЭ УНЦ РАН. Инв. № 831/1212

Меч

IV век до н. э.
Железо, золото. Длина 87,5 см
Курган 1
МАЭ УНЦ РАН. Инв. № 831/1211

Меч-акинак

Конец V – начало IV века до н. э.
Железо, золото. Длина 45 см
Курган 1
МАЭ УНЦ РАН. Инв. № 831/425

**Деревянные одноплоскостные
скульптуры оленей**

IV век до н. э.

Золото, серебро, дерево. Высота фигур
41—42 см. Длина 21,5—22 см, высота рогов
22,5 см, ширина рогов 19—20 см

МАЭ УНЦ РАН. Инв. № 831/1217, 1218, 1224

Амфора

V век до н. э.
Золото. Высота 23 см; диаметр горла 18,1 см
Курган 1
МАЭ УНЦ РАН. Инв. № 831/384

Височная подвеска

IV век до н. э.
Золото. Диаметр кольца 3,5 см
Курган 1
МАЭ УНЦ РАН. Инв. № 831/1187

Застежка

IV век до н. э.
Золото. 4,3 x 1 см
Курган 1
МАЭ УНЦ РАН. Инв. № 831/1194

**Деревянный сосуд в виде
фигуры медведя, украшенный
шестью оковками**

IV век до н. э.
Золото, смальта.
Оковка в виде головы медведя:
17,2 x 9,8 см
Оковки в виде лап медведя: высота от 16,8
до 18,3 см, ширина в основании – 7,5–10 см
Оковка в виде хвоста: 8,9 x 7,5 см
Курган 1
МАЭ УНЦ РАН. Инв. № 831/1–6

**Оковка ручки деревянного
сосуда**

IV век до н. э.
Золото, смальта. Оковки головы
7,2 x 2,4 см; шеи 13 x 3,5 см
Курган 1
МАЭ УНЦ РАН. Инв. № 831/241 а, б

**Оковка стенки деревянного
сосуда**

IV век до н. э.
Золото. 5,05 x 2,35 см
Курган 1
МАЭ УНЦ РАН. Инв. № 831/207

Оковка ручки деревянного сосуда

IV век до н. э.
Золото. 6,7 x 4,9 см
Курган 1
МАЭ УНЦ РАН. Инв. № 831/240

Оковка ручки деревянного сосуда

IV век до н. э.
Золото. 7 x 3,6 см
Курган 1
МАЭ УНЦ РАН. Инв. № 831/246

Деревянный сосуд с оковками закраины и ручки

IV век до н. э.
Золото. Оковка закраины 8 x 5,7 см;
оковка ручки 7,6 x 3,9 см
Курган 1
МАЭ УНЦ РАН. Инв. № 831/249 а, б, в

Оковка ручки деревянного сосуда

IV век до н. э.

Золото. 5,1 x 3,3 см

Курган 1

МАЭ УНЦ РАН. Инв. № 831/276 а, б

Оковка закраины деревянного сосуда

IV век до н. э.

Золото. 6 x 3,2 см

Курган 1

МАЭ УНЦ РАН. Инв. № 831/93

Деревянный сосуд с оковками закраин и ручки

IV век до н. э.

Золото. 8,8 x 5,7 см; 4,2 x 4,2 см

Курган 1

МАЭ УНЦ РАН. Инв. № 831/237 а, б; 238

**Три оковки закраин
деревянного сосуда**

IV век до н. э.
Золото. 7 x 5,5 см; 7,1 x 5,8 см; 7,1 x 5,8 см
Курган 1
МАЗ УНЦ РАН. Инв. № 831/234, 235, 236

**Оковки закраины деревянного
сосуда**

IV век до н. э.
Золото. 7,3 x 5,5 см; 7,1 x 5,8 см
Курган 1
МАЗ УНЦ РАН. Инв. № 831/228, 229

**Оковка закраины деревянного
сосуда**

IV век до н. э.
Золото. 9,8 x 9,8 см
Курган 1
МАЗ УНЦ РАН. Инв. № 831/7

Оковка стенки деревянного сосуда

IV век до н. э.
 Золото. 10,5 x 4,1 см
 Курган 1
 МАЭ УНЦ РАН. Инв. № 831/214

Оковка закраины деревянного сосуда

IV век до н. э.
 Золото. 11,4 x 2,7 см
 Курган 1
 МАЭ УНЦ РАН. Инв. № 831/77

Деревянный сосуд, украшенный оковками, с ручкой в виде фигуры хищника

IV век до н. э.
 Золото. 9 x 8,7 см; 9,1 x 8,7 см; 5,6 x 2,7 см
 Курган 1
 МАЭ УНЦ РАН. Инв. № 831/225, 226, 227 а

**Две оковки закраин
деревянного сосуда**

IV век до н. э.
Золото. 4,2 x 3,9 см; 4,2 x 3,65 см
Курган 1
МАЭ УНЦ РАН. Инв. № 831/36, 37

**Две оковки закраин
и ручек деревянного сосуда**

IV век до н. э.
Золото. 8,1 x 5,7 см
Курган 1
МАЭ УНЦ РАН. Инв. № 831/23, 24

**Две оковки закраин
деревянного сосуда**

IV век до н. э.
Золото. 5,5 x 3,8 см; 5,5 x 3,9 см
Курган 1
МАЭ УНЦ РАН. Инв. № 831/29, 30

**Оковки закраин деревянных
сосудов**

IV век до н. э.
Золото. 4,3–4,5 x 2,2–2,4 см
Курган 1
МАЭ УНЦ РАН. Инв. № 831/84, 85, 86

Ручка деревянного сосуда (?)

IV век до н. э.
Золото. 5,6 x 2,1 x 2 см
Курган 1
МАЭ УНЦ РАН. Инв. № 831/593

**Деревянный сосуд с оковками
закраин и ручек**

IV век до н. э.
Золото. 5,9 x 7,2 см; 5,8 x 7 см
Курган 1
МАЭ УНЦ РАН. Инв. № 831/20 а, б; 21 а, б

**Семь накладок в виде фигуры
архара**

IV век до н. э.
Золото. В среднем 8 x 6 см
Курган 1
МАЭ УНЦ РАН. Инв. № 831/573, 576, 582,
583, 590, 591, 592

**Полусферический предмет
с изображениями животных**

V–IV века до н. э.
Золото. Диаметр 9,5 см; высота 4,8 см
Курган 1
МАЭ УНЦ РАН. Инв. № 831/389

Ритон

V век до н. э.
Серебро. 21 x 12,2 см
Курган 1
МАЭ УНЦ РАН. Инв. № 831/386

Скульптурка всадника

IV век до н. э.
Кость. 10,2 x 9 см
Курган 3, погребение 1
МАЭ УНЦ РАН. Инв. № 823/13

Зеркало

IV век до н. э.
Бронза. Диаметр диска 26,7 см; длина ручки
17 см
Курган 3, погребение 1
МАЭ УНЦ РАН. Инв. № 823/12

Ритон

V век до н. э.
Серебро, золото. 14,1 x 9,45 см
Курган 1
МАЭ УНЦ РАН. Инв. № 831/388

Наносник

IV век до н. э.
Бронза. 25,3 x 5,8 см
Курган 3, насыпь
МАЭ УНЦ РАН. Инв. № 823/16

Два нащечника – украшения узды

IV век до н. э.
Бронза. 4,9 x 4,3 см
Курган 3, насыпь
МАЭ УНЦ РАН. Инв. № 823/6 (1-2)

Псалий

IV век до н. э.
Бронза. 11,4 x 8 см
Курган 3, насыпь
МАЭ УНЦ РАН. Инв. № 823/1 (1-2)

Меч

IV век до н. э.
Железо, золото. Длина 61 см, ширина перекрестья
8,3 см, длина рукояти 9,5 см
Курган 3
МАЭ УНЦ РАН. Инв. № 823/14

Подвеска

IV век до н. э.
Золото, паста (?) Диаметр 4,1 см
Курган 17, погребение 1
МАЭ УНЦ РАН. Инв. № 837/59

Ложечка

IV век до н. э.
Кость. Длина 15,9 см
Курган 7, погребение 1, костяк 6
МАЭ УНЦ РАН. Инв. № 824/109

Два псалия

IV век до н. э.
Железо, бронза. Длина 22,7 см
Курган 6, заполнение могильной ямы
МАЭ УНЦ РАН. Инв. № 824/35, 36

Нащечник

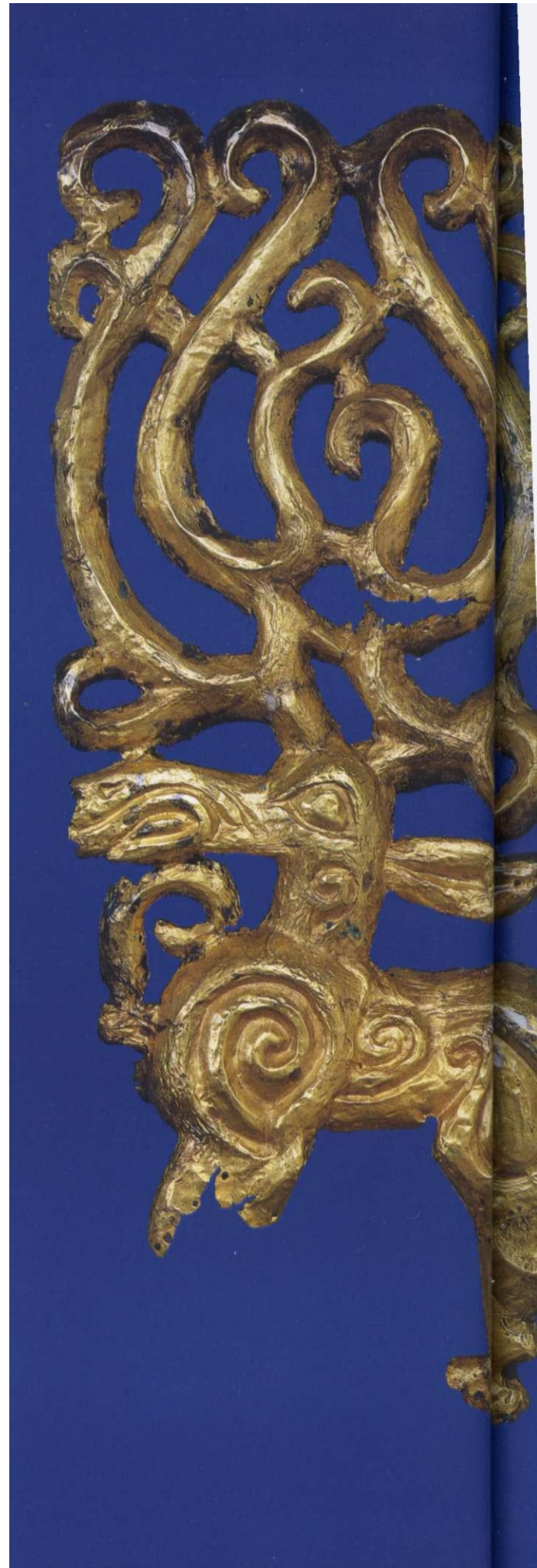
IV век до н. э.
Бронза. 7 x 2,8 см
Курган 3, насыпь
МАЭ УНЦ РАН. Инв. № 823/26

**Деревянные
двухплоскостные
скульптуры оленей**

IV век до н. э.
Золото, серебро, дерево.
51,2 x 45,3 x 25 см;
48,9 x 41 x 29,8 см
Курган 1
МАЭ УНЦ РАН.
Инв. № 831/1223, 1229

**Деревянные одноплоскостные
скульптуры оленей**

IV век до н. э.

Золото, серебро, дерево. 50 x 23,7 см;

42,2 x 24,6 см; 40,8 x 22 см; 41,4 x 18,8 см

Курган 1

МАЭ УНЦ РАН. Инв. № 1231, 1235, 1236, 1237

Нащитная эмблема

Конец VII века до н. э.
Золото. Длина 31,7 см, высота 19 см
Прикубанье, Краснодарский край,
Костромской курган
Раскопки Н.И. Веселовского 1897 года
Инв. № ГЭ 2498/1

Кочевники Евразии: история и археология

Скифы — азиаты и европейцы

А.Ю. Алексеев

1. СКИФЫ «ВЕЛИКОГО ПОЯСА СТЕПЕЙ»

Скифы — общее название многих близких по культуре, хозяйственному укладу, образу жизни и идеологическим представлениям кочевых племен. Они обитали в I тысячелетии до н. э. в степной, предгорной и горной зонах Евразии от Северного Китая на востоке до Черного моря на западе. Скифами воинственных кочевников называли греки, впервые столкнувшиеся с ними в VII веке до н. э. в Малой Азии, а затем и в Северном Причерноморье, где самые ранние греческие поселения (на острове Березань в устье Южного Буга и на северном побережье Азовского моря неподалеку от устья Дона) появились во второй половине VII века до н. э. Персы, чаще соприкасавшиеся со среднеазиатскими номадами на своих северо-восточных границах, называли всех кочевников, как азиатских, так и европейских, с а к а м и .

Наибольшую известность, как в древности, так и в наши дни, приобрели европейские скифы, яркая культура которых существовала в Северном Причерноморье на протяжении почти тысячелетия с VII века до н. э. до III века н. э. Происхождение этих скифов до сих пор во многом остается загадочным, несмотря на существование многочисленных легендарных и научных версий, первые из которых появились еще в древности. И дело не только в том, что современники скифов — греческие и римские историки и писатели — оставили на этот счет не вполне ясные свидетельства, но и в том, что археологические истоки культуры скифов-номадов до сих пор отчетливо не прослеживаются. Речь может идти лишь о признании факта неевропейского происхождения отдельных элементов скифской культуры, таких, как конская узда, вооружение (прежде всего стрелковое) и художественный, так называемый скифский звериный стиль. Но независимо от того, какой именно регион Евразии следует считать прародиной скифов, два фактора их истории установлены вполне надежно: по своей антропологической принадлежности скифы были европеоидами, а по языковой — индоевропейцами, носителями одного из древнеиранских языков. Даже там, где ныне живут монголоиды — в Западной Монголии, Туве, Минусинской котловине, на Алтае, — в скифское время обитало также в основном европеоидное население. Прав-

да, и у населения Тувы, и особенно у погребенных в «царских» курганах Алтая, была уже тогда весьма заметна определенная монголоидная примесь. Более того, современные палеогенетические исследования древних людей — носителей так называемой пазырыкской культуры — показали, что в некоторых случаях даже у индивидов с европеоидными антропологическими характеристиками обнаруживаются монголоидные молекулярно-генетические показатели. Несомненно и то, что для первой половины I тысячелетия до н. э. своеобразным генетическим барьером, западнее которого монголоидного населения практически не было, оказалась Волга.

Собственно этническая история раннескифской эпохи известна явно недостаточно. Фрагментарность имеющихся в нашем распоряжении письменных источников, подвижность самих номадов, традиции передачи и заимствования этнических наименований не позволяют в настоящее время представить детальную картину размещения и миграций различных скифских племен на протяжении многих столетий. Тем не менее, мы знаем, что в восточной части скифского мира, к северу и западу от Китая, китайские хронисты помещали племена шаньжунов (горных жунов), динлинов, позднее — юэчжей. Шаньжуны, например, уже с IX века до н. э. тревожили границы китайских государств. В могилах IX — начала VII века до н. э., которые можно приписать этим варварским племенам, обнаружены предметы с самыми ранними изображениями в скифо-сибирском зверином стиле. В центральной части Евразийской Скифии, в регионе Южного Урала, Каспийского и Аральского морей, обитали легендарные аримасы, исседоны, массагеты — племена, связанные с ранней историей скифов. Именно исседоны или массагеты, согласно двум версиям, донесенным Геродотом (V век до н. э.), вытеснили скифов в результате межплеменных войн из Азии на запад — в Северное Причерноморье.

Рядом с массагетами обитали племена саков, хорошо известные персам, которые неоднократно с ними воевали на границах своего государства начиная с 530-х годов до н. э. По сведениям Геродота и персидским источникам, эти племена делились на различные группы: саки-тиграхауда, саки-хаумаварга и др.

Для западной части скифского мира — территории от северного побережья Черного моря и Северного Кавказа до Уральских гор — Геродот и другие древнегреческие авторы употребляли большое количество этнических наименований. Здесь и скифы-кочевники и скифы-царские, скифы-пахари и скифы-земледельцы, герры, гелоны и будины, невры и андрофаги, савроматы, тавры и меоты и т. д. Одни из этих народов были современниками Геродота, другие существовали в более раннее время, а некоторые являлись мифическими племенами. Последнее, например, относится к особому, далекому племени — геррам, в области проживания которых якобы хоронили скифских царей. Судя по всему, в мифологии скифов герры — обитатели потустороннего мира, погибшие герои и воины.

Учитывая этническую пестроту скифского мира, неопределенность географических локализаций отдельных этносов, чрезвычайно трудно установить, к какому именно из известных по имени племен относились погребенные в алтайских курганах — Туэктинских, Пазырыкских, в северопричерноморских «царских» гробницах — Солохе, Чертомлыке и др. Но вполне очевидно, что взаимная географическая удаленность этих памятников не приводила к абсолютной разобщенности культур, носителями которых были строители курганов. Мир степей, несмотря на свою внешнюю консервативность, сам по себе был чрезвычайно динамичным и коммуникабельным. Помимо этого, кочевники всегда находились в сфере влияния оседлых земледельческих культур и мощных мировых цивилизаций: китайской, ассирийской, греческой, персидской. Миграции, военные походы и набеги номадов, и, как следствие, — заимствования идей и взаимопроникновение разнообразных традиций занимали в этом мире если не важнейшее, то весьма существенное место.

2. ПЕРВОЕ ПОЯВЛЕНИЕ НА ИСТОРИЧЕСКОЙ АРЕНЕ: РЕАЛЬНОСТЬ И ЛЕГЕНДЫ

Геродот привел три наиболее известные версии происхождения скифов, распространенные в его время (Herod. IV, 5—12). Первая — греческая — возводила скифов к мифическому Скифу, сыну Геракла и местной северопричерноморской полудевы-полузмеи, встретившей знаменитого греческого героя после совершения им очередного подвига — кражи коров Гериона. По другой версии, сложившейся в среде самих скифов, они произошли от первого человека в скифской земле — Таргитая, сына Зевса и дочери Борисфена (Днепра), который породил трех сыновей — Липоксая, Арпоксая и Колаксая, ставших родоначальниками скифских племен. Этимология имен этих персонажей — соответственно «Гора-Царь», «Вода-Царь», «Солнце-Царь» — подтверждает глобальный мировоз-

зренческий характер мифа. Но третья версия, казавшаяся более правдоподобной еще Геродоту и в наибольшей степени удовлетворяющая современным научным представлениям, говорит о том, что скифы пришли в Европу из Азии по Великому степному коридору.

По легендарной версии, изложенной Геродотом, в Северном Причерноморье до скифов жили киммерийцы, которые, не вступая с пришельцами в войну, бежали от них через Кавказ в Закавказье и Малую Азию, где впервые были зафиксированы ассирийскими разведчиками около 714 года до н. э. во время разгрома урартского царя Русы I. Скифы, якобы преследуя их и сбившись при этом с дороги, также вторглись в Переднюю Азию, но уже в другом регионе, много восточнее — в районе озера Урмия и территории маннейских и мидийских племен. Фактически же первое историческое упоминание скифов под именем Askuzaiā относится к началу 670-х годов до н. э., когда они фигурируют в запросах богу Шамашу ассирийского царя Асархаддона. Именно в это время кочевники-скифы появились на северных границах с Ассирией и сразу, благодаря своей военной силе, необычной тактике и возможности стремительных передвижений, заняли одно из ведущих мест в военно-политической иерархии Передней Азии.

Скифов возглавляли вожди Ишпакай и Бартатуа. Первый из них погиб при неясных обстоятельствах, второй же сватался к дочери ассирийского царя Асархаддона, и не исключено, что брак этот действительно состоялся. Но в конце 670-х годов до н. э. скифы, судя по тому что их имя исчезло из ассирийских источников, покинули регион и, скорее всего, вернулись на Северный Кавказ, где приблизительно в середине VII века до н. э. были сооружены такие знаменитые скифские курганы, как Келермесские, Ульские, Краснознаменские и другие, содержащие драгоценные трофеи переднеазиатских походов.

Но ближневосточная эпопея кочевников на этом не завершилась. Приблизительно через 30—35 лет отряды следующего поколения скифов под предводительством царя Мадия, сына Прототия (Бартатуа — по ассирийским источникам) вновь вторглись в Переднюю Азию, столкнулись там с набирающей силу Мидией и с дряхлеющей Ассирией. Они совершили набег до

Гребень с изображением батальной сцены

430—390 годы до н. э.

Золото. Высота 12,6 см, ширина 10,2 см
Приднепровье, курган Солоха, впускное погребение

Раскопки Н.И. Веселовского 1913 года
Инв. № ГЭ Дн 1913 1/1

Сосуд с зооморфной ручкой

I век н. э.

Золото, бирюза, кораллы, стекло.

Высота 7,5 см

Нижний Дон, г. Новочеркасск, курган Хохлач

Инв. № ГЭ 2213/13

Гривна спиральная с фигурками животных на концах

IV век до н. э.

Золото. Диаметр 24,8 см

Ставропольский клад

Северный Кавказ, Ставропольский край,

с. Казинское

Случайная находка 1910 года

Инв. № ГЭ 2807/6

Браслет спиральный с рельефным зооморфным изображением

I век до н. э. — I век н. э.

Золото. Диаметр 8,4 см

Нижнее Поволжье, Волгоградская область,
с. Верхнее Погромное, курганный могильник,
курган 2

Раскопки В.П. Шилова 1954 года

Инв. № ГЭ 1953/1

самых границ с Египтом, оставив по себе память даже в Библии и в речах иудейских пророков (Быт. 10, 2—3; Иер. 5, 15—16; 51, 27). «В течение двадцати восьми лет скифы властвовали над Азией, и за это время они, преисполненные наглости и презрения, все опустошили», — написал об этих событиях Геродот (Herod. I, 106).

В действительности же, время пребывания скифов в Передней Азии было, судя по всему, более длительным, чем двадцать восемь лет, и история их походов завершилась не слишком благополучно. В самом конце VII века до н. э., после разгрома Ассирии Вавилоном и Мидией, часть скифов перешла на службу к мидийскому царю Киаксару, хотя незадолго до этого именно Киаксар, пригласив их к себе на пир, предательски перебил многих из них. Но через некоторое время и служившие этому царю воины-скифы были вынуждены бежать от него в Малую Азию к царю Лидии Алиатту, что стало формальным поводом к войне между Мидией и Лидией. Война длилась пять лет и закончилась во время солнечного затмения, о чем пишет Геродот. Но о судьбе скифов в это время уже не известно ничего достоверного. Судя по всему, лишь очень немногие из них сумели вернуться на Северный Кавказ — на свою, столетие назад завоеванную, родину.

3. «ТЕМНОЕ СТОЛЕТИЕ» СКИФИИ

После великих переднеазиатских походов история Скифии — в широких границах от предгорий Кавказа до Дуная (Истра) — многие десятилетия протекала, как кажется, вполне мирно, хотя известно не так уж много конкретных событий этого времени. Уже с конца VII века до н. э. у скифов стали складываться вполне добрососедские отношения с греческими колонистами, активно заселявшими северный берег Черного моря. В период архаики (около 700—480 годов до н. э.) греками были основаны многие поселения, в том числе такие крупные и известные, как Борисфен на острове Березань, в устье Южного Буга, Ольвия в низовьях Южного Буга, Таганрогское — на северном берегу Азовского моря, Пантикапей — на Керченском полуострове в Крыму и другие. Существуют легендарные сведения о том, что в некоторых случаях скифы даже предоставляли грекам территорию для создания поселений,

из которых позднее вырастали мощные греческие государства, иногда объединявшие много городов и разные варварские племена, как, например, Боспор. Очевидно, что отношения между скифами и греками, быть может и не всегда мирные, хотя мы ничего не знаем о крупных конфликтах между ними, приносили обоюдную пользу, прежде всего в сфере экономики. Несмотря на свой консерватизм и приверженность традициям, скифы вовсе не изолировались от греческой культуры. Прославился своей мудростью скифский царевич Анахарсис (иногда даже включавшийся греками в число величайших мудрецов Элады), совершивший в VI веке до н. э. путешествие по Греции и Малой Азии и посещавший, по легендарной традиции, знаменитых своей мудростью или богатством людей того времени — афинянина Солона, лидийца Креза. Ему даже приписывалась честь некоторых замечательных изобретений, например, гончарного круга и морского якоря. Правда, судьба Анахарсиса оказалась весьма печальной. После возвращения домой он был убит своим братом, царем Савлием, якобы за приверженность чужим традициям и богам, хотя на самом деле суть конфликта состояла, по всей видимости, в каких-то династических распрях. В последней трети VI века до н. э. скифские стрелки (европейские или азиатские) появились в Афинах, и их изображения часто встречаются в это время в росписях аттических сосудов.

Но самое знаменитое событие, вновь вовлекшее Скифию в сферу мировой политики, произошло в конце VI века до н. э. Между 515 и 512 годами до н. э. царь великой Персидской империи Дарий I перевел на левый, скифский, берег Дуная огромную, почти миллионную (хотя число воинов было явно преувеличено древними авторами) армию. Царь опирался и на флот некоторых подвластных ему греческих городов. Каковы же были причины этого похода? Совершенно очевидно, что несколько модернистски выглядит версия Геродота о мщении за ранее причиненные скифами обиды во время переднеазиатских походов VII века до н. э. Несомненно, были другие, скрытые, но намного более важные причины этой войны. Северо-восточные пределы Персидского государства доходили до Средней Азии, до реки Аму-Дарья, где в степях обитали многочисленные племена кочевников-саков. До знаменитого похода царя Дария в Европейскую Скифию персы уже пытались покорить некоторые сакские племена, хотя к значительному успеху это и не привело. В 530 году до н. э. царь Кир II попытался завоевать племя массагетов, во главе которых стояла царица Томирис. Войско персов было разгромлено, сам Кир убит. Позднее, в 519 году до н. э. Дарий I совершил более удачный поход на саков, захватив их вождя Скунху, но покорить всех кочевников не удалось и ему. Этот район империи продолжал оставаться одним из самых беспокойных и в последующие времена, что не могло не тревожить персидских царей. Не случайно именно в районе Южного Урала сделаны многочисленные находки парадных ахеменидских изделий, прежде всего, сосудов. Это является свидетельством постоянных связей кочевников с персидской империей, и получения ими драгоценных изделий в качестве подарков. Есть они и в материалах Филипповских курганов.

Поход царя Дария в Европейскую Скифию мог одновременно преследовать несколько целей. Во-первых, создавался плацдарм для будущего завоевания Греции. Во-вторых, в стратегический замысел Дария мог входить обход среднеазиатских кочевников с тыла, что не кажется невероятным, учитывая географические представления того времени.

Геродот подробно и красочно описал все перипетии этой военной кампании. Не вдаваясь в подробный пересказ, укажем, что основной замысел кочевников заключался в заманивании противника на свою территорию, лишении его провианта и фуража, изматывании постоянными конными атаками. Дойдя, по версии Геродота, до Азовского моря и Дона и ни разу не вступив в открытое сражение, однажды ночью, бросив раненых и лагерь, Дарий бежал из Скифии, лишь чудом избежав полного разгрома и гибели.

Здесь следует отметить, что, как в древности, так и у современных исследователей существуют и другие варианты реконструкции этой войны, не столь грандиозные, как в изложении Геродота (например, у Страбона: Strab. VII, 3, 14). Скорее всего, в действительности Дарий не очень далеко продвинулся за Дунай, а все подробности в описании этой войны во многом отражают реальность ранее случившегося похода Дария на среднеазиатских саков. Косвенно это подтверждается тем, что Геродот, хорошо знакомый с персидской историей, ничего не сообщает именно об этой важной кампании.

4. «ГЕРОДОТОВА.. СКИФИЯ

Победа над персами, какой бы она ни была в действительности, отразилась на политическом положении в самом Северном Причерноморье и стала переломным событием скифской истории. Сильные кочевники, «старые скифы», поддержанные или смененные новой, появившейся, видимо, с востока в конце VI века до н. э. ордой кочевников – носителей имени «сколоты» (вполне вероятно, что именно эти «новые скифы» были вытеснены массагетами после столкновения последних с персами, как о том пишет Геродот), стали осуществлять давление на греческие города, некоторые из которых могли даже попасть под скифский протекторат (Ольвия, Нимфей). Какие-то группы кочевников в конце VI века до н. э. проникли в Центральную Европу, а в самом начале V века до н. э. совершили набег на север Балканского полуострова (Herod. IV, 40). В материальной культуре скифов, которые с рубежа VI–V веков до н. э. стали активно осваивать степное Причерноморье, проявляются новые элементы азиатской культуры кочевников (новый тип узды, образы звериного стиля, определенные категории изделий), представленной лучше всего материалами алтайских курганов. Наряду с этим несомненно и значение греческого воздействия, хотя формально скифы и в это время все так же избегали чужого влияния.

В Скифии в начале V века до н. э. появилась новая династия царей, правившая на протяжении столетия. Ее основателем был царь Ариапиф, имевший трех сыновей – Скила, Октамасада, Орика. Драматичной была судьба Скила, родившегося от гречанки и ставшего настоящим эллинофилом. После гибели отца он занял престол, но любовь к греческой культуре стала для него роковой. Его брат Октамасад, опиравшийся, по-видимому, на консервативные слои скифской знати, совершил государственный переворот. Царь Скил, бежавший во Фракию, но выданный своим дядей, знаменитым царем фракийцев-одрисов Ситалком, был обезглавлен. После этого несколько десятилетий Октамасад царствовал в Скифии, находясь, очевидно,

в дружеских отношениях со своим сводным братом Ориком, с боспорскими и синдскими правителями. Особенно активной, вероятно, была политика по отношению к Боспорскому государству, на стороне которого скифы в некоторых случаях выступали. В течение первой половины IV века до н. э. скифское государство укрепляло свои политические и экономические позиции, что в конечном итоге привело к столкновению с мощнейшей державой того времени – Македонией царя Филиппа II, отца Александра Великого.

5. СКИФИЯ ДО И ПОСЛЕ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

Область интересов и скифов, и македонян находилась на Балканах, и первоначальные союзнические отношения очень быстро переросли в открытый конфликт. Во главе скифской орды стоял 90-летний царь Атей, частично контролировавший греческие города Западного Причерноморья. В 339 году до н. э. в сражении между скифами и македонянами последние одержали победу, сам же Атей погиб в бою. Правда, это поражение не подорвало в глазах греков репутацию скифов как непобедимых воинов. Были и другие конфликты с Македонией, были и дипломатические переговоры. Так, после разгрома под Ольвией в 331 году до н. э. армии Зопириона, наместника Александра Великого на Понте, скифы обменялись мирными посольствами с самим Александром, находившимся тогда в Средней Азии. Александр и сам вынашивал замыслы покорения скифов, но открывшиеся ему перспективы на востоке Ойкумены, выход к Индии, а затем и смерть не позволили им осуществиться. Скифы активно участвовали и в делах своих греческих соседей, о чем свидетельствует их поддержка одной из сторон во время гражданской войны на Боспоре в 310/309 году до н. э.

Вторая половина IV века до н. э. – время наивысшего расцвета Скифии. Именно тогда возводятся колоссальные курганные гробницы для умерших скифских владык, содержавшие богатейшие погребальные дары, свидетельствующие о накопленных к тому времени в степях богатствах. Но поступательное развитие Скифии внезапно оборвалось. Культура Скифии неожиданно исчезла без видимых внешних причин около 300 года до н. э. До сих пор ее финал представляет такую же загадку, как и начало, и порождает немало научных гипотез. Обычно принимается во внимание то ли внешняя агрессия (новый натиск кочевников, на этот раз – сарматов, с востока), то ли неблагоприятное изменение климата и экологической обстановки, то ли подрыв экономики, то ли одновременное неблагоприятное стечение всех этих деструктивных факторов.

6. СКИФИЯ ПОСЛЕ СКИФИИ

Исчезновение «Великой Скифии» не означало, что оборвалась история самих скифов. Видимо, с конца III века до н. э. в Крыму и Добрудже возникли новые миниатюрные государства – так называемые Малые Скифии – с новыми границами и политическими приоритетами, а возможно, и с новым этническим содержанием, вобравшим в себя разные варварские и полуварварские народы. На протяжении нескольких столетий скифы вели войны с греческими городами-государствами: Херсонесом, Боспором, некоторыми племенами сарматов (полностью освоивших ко II веку до н. э. бывшую скифскую территорию); долгое время под скифским контролем продолжала оставаться Ольвия. В Крыму находилось несколько крепостей и ставка скифских царей, наиболее известными из которых были Скилур и его сын Палак (II век до н. э.). В конце II века до н. э. произошло одно из наиболее ярких событий этого периода скифской истории – в высшей степени неудачное для скифов столкновение с Диофантом, полководцем царя Понта Митридата VI Евпатора (грозного и вечного противника Рима), прибывшим на помощь осажденному Херсонесу. Былая мощь оказалась подорванной окончательно, но еще долго скифы продолжали играть определенную роль в истории этого региона. Лишь в середине III века н. э., как считается, скифы подверглись сокрушительному разгрому готами, пришедшими в Северное Причерноморье с северо-запада. После этих событий этноним «скифы» продолжал существовать только в литературных произведениях и превратился, скорее, в имя нарицательное, обозначавшее варваров вообще. Сам этнос перестал существовать, хотя родственные ему иранские народы сохранились и сохраняли свою традиционную культуру, во многом близкую скифской, еще долго, чуть ли не до современности. Особенно важна здесь история осетин на Северном Кавказе и их знаменитый эпос «Нарты», в котором нашли отражение мифологические представления и этнографические реалии, в том числе и скифской эпохи.

Скифы, этот азиатский по происхождению, но ставший европейским народ, оказывали на протяжении многих столетий значительное воздействие на культуру и историю своих близких и дальних соседей. Они оказались первыми в длинной цепочке известных нам кочевых племен, которые с периодичностью в 200–400 лет накатывались волнами по Великому степному коридору в Европу (последней такой мощной волной были монголы в XIII веке). Тем не менее, культура скифов не имеет, пожалуй, равных себе среди степных культур всех эпох ни по присущей ей яркой самобытности, ни по произведенному ею резонансу.

Филипповские курганы и звериный стиль

Е.Ф. Королькова

Самыми уникальными находками 1-го Филипповского кургана, ставящими этот памятник в разряд наиболее выдающихся археологических открытий последних десятилетий в России, несомненно, являются фигуры оленей, впечатляющие своими необычайными размерами и сложностью художественного решения и технического исполнения. До сих пор ничего подобного не было обнаружено в курганах ранних кочевников Евразии. Тем интереснее оказывается задача определить их место среди произведений, относящихся к культурному феномену, получившему название «скифо-сибирского звериного стиля». Под этим наименованием имеется в виду не столько собственно стиль как комплекс определенных формальных признаков и приемов, сколько изобразительно-символическая система, наполненная мифологическим содержанием. Эта система подразумевает использование своеобразного зооморфного кода, предназначенного для передачи наиболее существенных мировоззренческих позиций. Общность мировоззрения и религиозных представлений, единство хозяйственного уклада, образа жизни и идеологии, а также мобильность кочевого населения облегчали возможность интеграции отдельных элементов культуры и норм в искусстве в чуждую этническую среду и создавали предпосылки для сложения единого культурного феномена, породившего яркое и выразительное искусство.

Звериный стиль был неотъемлемой частью мира евразийских кочевников, органично входя во все сферы существования кочевников и сопровождая их жизнь и смерть: украшения оружия и конского снаряжения, одежды и ритуальной посуды, принадлежности погребального обряда и татуировки насыщены звериными образами. Изображения животных выступают в виде отдельных фигур и в качестве элементов сложных композиций, большая часть которых передает или подразумевает сцены терзания, символизирующие противоборство двух начал – жизни и смерти.

Скифо-сибирский звериный стиль представляет собой самобытное художественное явление, базирующееся на собственной системе художественного языка, и имеет совершенно особое значение в мировой культуре. Однако генетические корни и свойственные кочевникам активные контакты с культурами народов Древнего Востока, прежде всего Ирана, наложили свой отпечаток на формальные характеристики их искусства. Влияние иранского искусства в том или ином виде прослеживается в изобразительных памятниках практически на всей

территории распространения звериного стиля скифской эпохи.

Филипповские находки разделяются на три группы по стилистическим характеристикам, которые связывают их с разными локальными вариантами скифо-сибирского звериного стиля: первая из них представляет очевидные аналогии с искусством кочевников Казахстана и Зауралья (оковки с изображениями верблюдов, бронзовая сбруйная бляха, полусферический предмет, акинак); вторая – демонстрирует связь с кубанским звериным стилем (олени и псалии); третья группа ближе всего к зооморфным изображениям Алтая (образы хищников, грифоны, кабаны). При этом важно, что все три группы, несмотря на разнонаправленные тенденции, не являются разнородными и отмечены общими чертами, позволяющими рассматривать их как единый культурный феномен, в отличие от импортных вещей, происхождение которых, несомненно, связано с ахеменидским Ираном, и которые представляют самостоятельную группу художественных изделий из Филипповки.

Пожалуй, трудно найти другой памятник скифского времени, где звериный стиль был бы представлен таким разнообразием сюжетов и зооморфных мотивов, демонстрирующих высшую степень декоративности и изощренности линий и силуэтов. Наибольшее количество предметов из Филипповки связано с образами оленей, чрезвычайно разнообразными по композиции, позам и ракурсам фигур, видовым и возрастным признакам (о чем говорят форма рогов и количество их отростков). Среди них встречаются и изображения самцов с огромными стилизованными рогами, завершающимися головками хищных птиц, вписанных в причудливый рисунок ветвистых роговых отростков, превращенных в орнамент. Однако на мелких бляшках и оковках сосудов представлены головки или фигурки косуль, молодых оленей или самок, рога которых имеют всего несколько отростков. Композиции фигур весьма разнообразны и демонстрируют как естественные позы, например, стоящего или лежащего животного, так и искусственные, подчиненные требованиям размещения в пространстве, обусловленном формой декорируемого предмета. При этом допускаются нарушения анатомического строения и редуцирование изображения, позволяющие воспроизвести, например, только голову и переднюю конечность животного или неестественно вывернуть заднюю часть тела. Любое зооморфное изображение в системе звериного стиля играет роль знака и несет в себе определенную информацию. Стилизация и условность оказывают

ся одними из главных средств в формировании изобразительной системы передачи зооморфных образов в искусстве ранних кочевников. Акцентирование отдельных деталей различными способами (цветными вставками, графическим орнаментом, дополнительными зооморфными элементами) и намеренная гиперболизация некоторых частей животного составляют важную особенность художественного языка скифо-сибирского звериного стиля.

Еще одной существенной характеристикой искусства кочевников Евразии скифской эпохи является широкое применение в зверином стиле образов фантастических существ, причудливо сочетающих в себе черты вполне реальных и узнаваемых, несмотря на выраженную стилизацию, животных, складывающиеся в некий «синтетический» образ, выступающий как своеобразная идеограмма. Так, тигр может быть наделен оленьими рогами, а тело хищника неожиданно завершаться головой антилопы; морды верблюдов имеют хищный оскал или напоминают орлиный клюв. Звериные образы на предметах из Филипповских курганов демонстрируют весь спектр приемов, свойственных искусству кочевников Евразии, и в то же время его чрезвычайно оригинальный и декоративный локальный вариант, насыщенный графической орнаментацией и отличающийся изысканной плавностью линий и ажурностью композиций.

Тем не менее, изобразительное решение оленей из 1-го Филипповского кургана вполне сопоставимо с многочисленными «олениными» изображениями, представленными в памятниках скифского времени с других территорий. В ряду этих аналогий прежде всего оказываются олени из регионов Северного Кавказа и степного Предкавказья, а также Южной Сибири и Алтая. Например, так называемое «навершие» в виде оленьей головы из могильника у аула Уляп на Северном Кавказе, которое в действительности, вероятно, является частью крупной деревянной объемной фигуры оленя, покрытой золотыми пластинчатыми обивками, вызывает по многим характеристикам непосредственные ассоциации с Филипповскими фигурами. Кроме контура глаза, сходство улавливается и в конструктивном отношении: вставные уши и рога; золотые пластины обкладок, с помощью гвоздиков крепившиеся на деревянной основе; сочетание золота и серебра в одном изделии. Уместно заметить, что практика изготовления деревянных фигур копытных животных с обкладками из золота и серебра существовала на территории Южной Сибири (Хакасия) чрезвычайно долго: в средневековых могильниках VII–VIII веков н. э. фиксируются находки деревянных фигурок баранов с золотыми и серебряными обкладками.

В числе признаков Филипповских изображений оленей выделяются: статичность фигур, гипертрофированные удлиненные горбоносые морды, переданные с явным на-

рушением естественных пропорций, придающим им сходство с волком; прямая постановка короткой шеи; архитектурная доминанта ветвистых рогов, решенных в виде сложных волютообразных симметричных композиций. Волюты отростков оленьих рогов трактованы в некоторых случаях в виде головок хищных птиц или грифонов. Подобный прием наблюдается и в искусстве древних кочевников Алтая. Обращает на себя внимание сочетание тех же признаков в кубанских бронзовых псалях из станицы Елизаветинской.

Среди кубанских археологических находок вообще обнаруживается чрезвычайно много аналогий Филипповским оленям. Так, бронзовая пластина-налобник от конского оголовья демонстрирует сложную зооморфную композицию, комбинирующую головы оленей в разных ракурсах. Центральную часть композиции занимает протома оленя очень вытянутых пропорций и подчеркнуто декоративного решения: рога оленя развернуты фронтально в горизонтальной плоскости; ритмический ряд симметрично расположенных отростков включает стилизованные головки грифонов, создающие сложный ажурный узор всего построения. Ажурность подчеркивается и графическим оформлением: все детали очерчены плавными линейными контурами.

Многочисленные изображения хищников из 1-го Филипповского кургана находят ближайшие аналогии как на востоке – в памятниках Южной Сибири, так и на западе – в регионе Прикубанья. Массивные золотые шейные украшения из Ставропольского клада имеют на концах фигурки хищников, орнаментальной декорировкой поверхности и пропорциями напоминающие зооморфные ручки сосудов из Филипповки. Тигр, терзающий оленя, на ручке одного из сосудов из Филипповки, весьма схож с тигром на золотой поясной бляхе из Сибирской коллекции Петра I. Верблюд на этой же пластине вызывает ассоциации с образами этого животного на золотом полусферическом ажурном предмете из Филипповки, аналогичном бронзовым конусовидным изделиям с зооморфными изображениями из Южной Сибири.

Уникальные находки предметов звериного стиля в Филипповке оказываются прочно связанными со всей культурой евразийского кочевого мира и занимают в ней свою закономерную позицию, отражающую этнокультурную ситуацию середины I тысячелетия до н. э.

В свете этого особенно важным и интересным представляется наличие ближайших аналогий предметам звериного стиля из Филипповки в памятниках Алтая, Западного Казахстана и в регионе Прикубанья, что дает основание предположить вероятность проникновения кочевников с востока в западные области скифского мира – в Северное Причерноморье и на Северный Кавказ и существование прямых контактов между европейскими скифами и племенами Южного Приуралья.

Топор

VIII–VII века до н. э.
Бронза. Длина 17,9 см
Северная Осетия, Кобанский
могильник
Собрание К.И. Ольшевского
Инв. № ГЭ 1731/6

Навершие

Середина I тысячелетия до н. э.
Бронза. Высота 17,4 см
Северная Осетия, с. Камунта
Собрание К.И. Ольшевского
Инв. № ГЭ 1731/161

Рог для питья

Первая половина – середина IV века до н. э.
Серебро. Высота 12,3 см
Крым, курган Куль-Оба близ Керчи
Раскопки П.А. Дюбрюкса 1830 года
Инв. № ГЭ КО 104

Поясная бляха

Первая половина I тысячелетия до н. э.
Бронза, железо. Длина 24,1 см
Северная Осетия, Кобанский могильник
Сборы Мурье 1885 года
Инв. № ГЭ 2192/4

Сосуд с рельефными изображениями скифов

Вторая половина IV века до н. э.
Золото. Высота 13 см
Крым, курган Куль-Оба близ Керчи
Раскопки П.А. Дюбрюкса 1830 года
Инв. № ГЭ КО. 11

Пластина — крылатый барс, терзающий козла

Середина V века до н. э.
Золото. Высота 11 см
Таманский полуостров, Семибратние курганы, 4-й курган
Раскопки В.Г. Тизенгаузена 1876 года
Инв. № ГЭ СБр. IV. 5

Рог для питья

Середина V века до н. э.
Золото. Длина 23,5 см
Таманский полуостров, Семибратние курганы, 4-й курган
Раскопки В.Г. Тизенгаузена 1876 года
Инв. № ГЭ СБр. IV. 2

Пластинчатая обкладка горита

Вторая половина VII века до н. э.
 Золото. Длина 40,5 см, ширина 22,2 см
 Прикубанье, Краснодарский край,
 4-й Келермесский курган
 Раскопки Д.Г. Шульца 1904 года
 Инв. № ГЭ Ку 1904 1/28

Пять нашивных бляшек с изображением лежащего оленя вправо

400–375 годы до н. э.
 Золото. 2,5 x 2,5 см
 Приднепровье, курган Солоха, впускное погребение
 Раскопки Н.И. Веселовского 1913 года
 Инв. № ГЭ Дн 1913 1/45

Сбруйная пряжка

Первая половина V века до н. э.
 Бронза. 5,7 x 4,5 см
 Приднестровье, курган «В» близ с. Журовка
 Инв. № ГЭ Дн 1903 10/1

Псалий

IV век до н. э.
 Бронза. Длина 8,5 см, высота 9,3 см
 Прикубанье, Краснодарский край,
 Елизаветинский курган
 Раскопки Н.И. Веселовского 1917 года
 Инв. № ГЭ Ку 1917 1/158

Псалий

IV век до н. э.
 Бронза, железо. Длина 12,2 см
 Прикубанье, Краснодарский край,
 Елизаветинский курган
 Раскопки Н.И. Веселовского 1917 года
 Инв. № ГЭ Ку 1917 1/160

Уздечная бляшка

IV век до н. э.
 Бронза. Диаметр 4,7 см
 Прикубанье, Краснодарский край,
 Елизаветинский курган
 Раскопки Н.И. Веселовского 1917 года
 Инв. № ГЭ Ку 1917 1/67

Зеркало

Зеркало – середина V века до н. э.;
 обкладка ручки – IV век до н. э.
 Золото, серебро, бронза. Высота 31,5 см;
 диаметр диска 15,5 см
 Крым, курган Куль-Оба близ Керчи
 Раскопки П.А. Дюбрюкса 1830 года
 Инв. № ГЭ КО. 9

Сосуд со сценой охоты

400–375 годы до н. э.
 Серебро, позолота. Высота 13 см,
 максимальный диаметр 18,7 см
 Приднепровье, курган Солоха
 Раскопки Н.И. Веселовского 1913 года
 Инв. № ГЭ Дн 1913 1/40

Котел с орнаментом на тулове

375–325 годы до н. э.
Бронза. Высота 47,0 см
Приднепровье, курган Раскопанная Могила
Раскопки Д.И. Эварницкого (Яворницкого)
1897 года
Инв. № ГЭ Дн 1897 2/14

Навершие с фигурой оленя

375–325 годы до н. э.
Бронза. Высота 15,3 см
Приднепровье, курган Чмырева Могила
Раскопки Ф. Брауна 1898 года
Инв. № ГЭ Дн 1898 1/328

Бляха в виде головы тигра с оскаленной пастью — украшение конской сбруи

VI век до н. э.
Дерево. 9,5 x 14,2 см
Алтай, 1-й Тузуктинский курган
Раскопки С.И. Руденко 1954 года
Инв. № ГЭ 2179/149

Зеркало с изображениями оленей

VIII–VII века до н. э.
Бронза. Диаметр 13,5 см
Алтай, пос. Усть-Бухтарма
Инв. № ГЭ 1122/54

Апликация — фигура тигра с рогами оленя

VI век до н. э.
Кожа. 13 x 14 см
Алтай, 1-й Тузуктинский курган
Раскопки С.И. Руденко 1954 года
Инв. № ГЭ 2179/912

Две нашивные бляшки: богиня с зеркалом и скиф, пьющий из рога

350–325 годы до н. э.
Золото. Высота 3,5 см, вес 4,3 г
Приднепровье, курган Чертомлык
Раскопки И.Е. Забелина 1863 года
Инв. № ГЭ Дн 1863 1/379

Рукоять меча

500–400 годы до н. э.
Железо, золото. Длина 14,9 см, ширина
ручки 2,8 см, ширина перекрестия 5,5 см
Приднепровье, курган Чертомлык
Раскопки И.Е. Забелина 1863 года
Инв. № ГЭ Дн 1863 1/448

Накладка на ножны меча

350–325 годы до н. э.
Золото. Длина 54,4 см, максимальная
ширина 16,5 см, вес 56,17 г
Приднепровье, курган Чертомлык
Раскопки И.Е. Забелина 1863 года
Инв. № ГЭ Дн 1863 1/447

Навершие

VIII–VII века до н. э.
Бронза. Высота 18,8 см
Красноярский край, случайная находка
Приобретено Г.Ф. Миллером в 1735 году
Инв. № ГЭ 1121/7

Навершие

VIII–VII века до н. э.
Бронза. Высота 14,9 см
Красноярский край, случайная находка
Приобретено Г.Ф. Миллером в 1735 году
Инв. № ГЭ 1121/6

Пронизь — ворворка

V век до н. э.
Бронза. Диаметр 6,1 см
Минусинский округ, случайная находка
Коллекция И.П. Товостина
Инв. № ГЭ 3975/343

Пластина поясная

V век до н. э.
 Рог. Длина 11,0 см
 Тыва, могильник Саглы-Бажи II,
 13-й курган
 Раскопки А.Д. Грача 1961 года
 Инв. № ГЭ 2351/268

Бляха в виде двух голов грифонов — украшение конской сбруи

VI век до н. э.
 Дерево. 9,2 x 11,4 см
 Алтай, 1-й Туэктинский курган
 Раскопки С.И. Руденко 1954 года
 Инв. № ГЭ 2179/22

Барельефная бляха в виде трех голов лося — украшение конской сбруи

VI век до н. э.
 Дерево. 8,4 x 8,8 см
 Алтай, 1-й Туэктинский курган
 Раскопки С.И. Руденко 1954 года
 Инв. № ГЭ 2179/244

**Сосуд с подставкой
в виде войлочного кольца**

V век до н. э.

Дерево, рог; войлок. Сосуд: 13,5 x 15,3 см;
диаметр кольца – 18 см

Алтай, 2-й Пазырыкский курган
Раскопки С.И. Руденко 1947 года
Инв. № ГЭ 1684/47-48

**Навершие в виде головы
грифона с головой оленя
в клюве**

V век до н. э.

Дерево, кожа. Длина 23 см, ширина
16,5 см

Алтай, 2-й Пазырыкский курган
Раскопки С.И. Руденко 1947 года
Инв. № ГЭ 1684/169

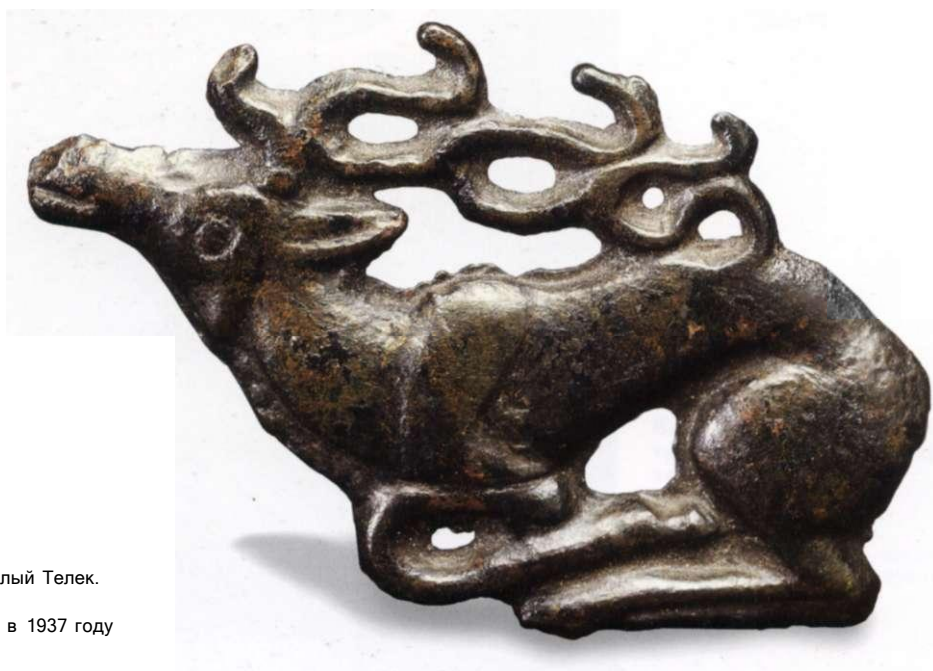
Две бляшки

Вторая половина VIII — первая половина VII века до н. э.
 Золото, бирюза. Длина 7,1 см, ширина 4,6 см
 Казахстан, могильник Чиликта, 5-й курган
 Раскопки С.С. Черникова 1960 года
 Инв. № ГЭ 2326/1

Навершие

VII век до н. э.
 Бронза. 11,0 x 11,7 см
 Монголия (?)
 Собрание генерала Паскевича
 Инв. № ГЭ 1668/1

Бляшка «оленная»

VII–VI века до н. э.
 Бронза. Длина 6,8 см
 Минусинский округ, с. Малый Телек.
 Случайная находка
 Куплена у П.Н. Корнилова в 1937 году
 Инв. № ГЭ 1293/198

Олень — навершие

V век до н. э.

Дерево, кожа. Высота 11,5 см,
ширина 6 см

Алтай, 2-й Пазырыкский курган
Раскопки С.И. Руденко 1947 года
Инв. № ГЭ 1684/154

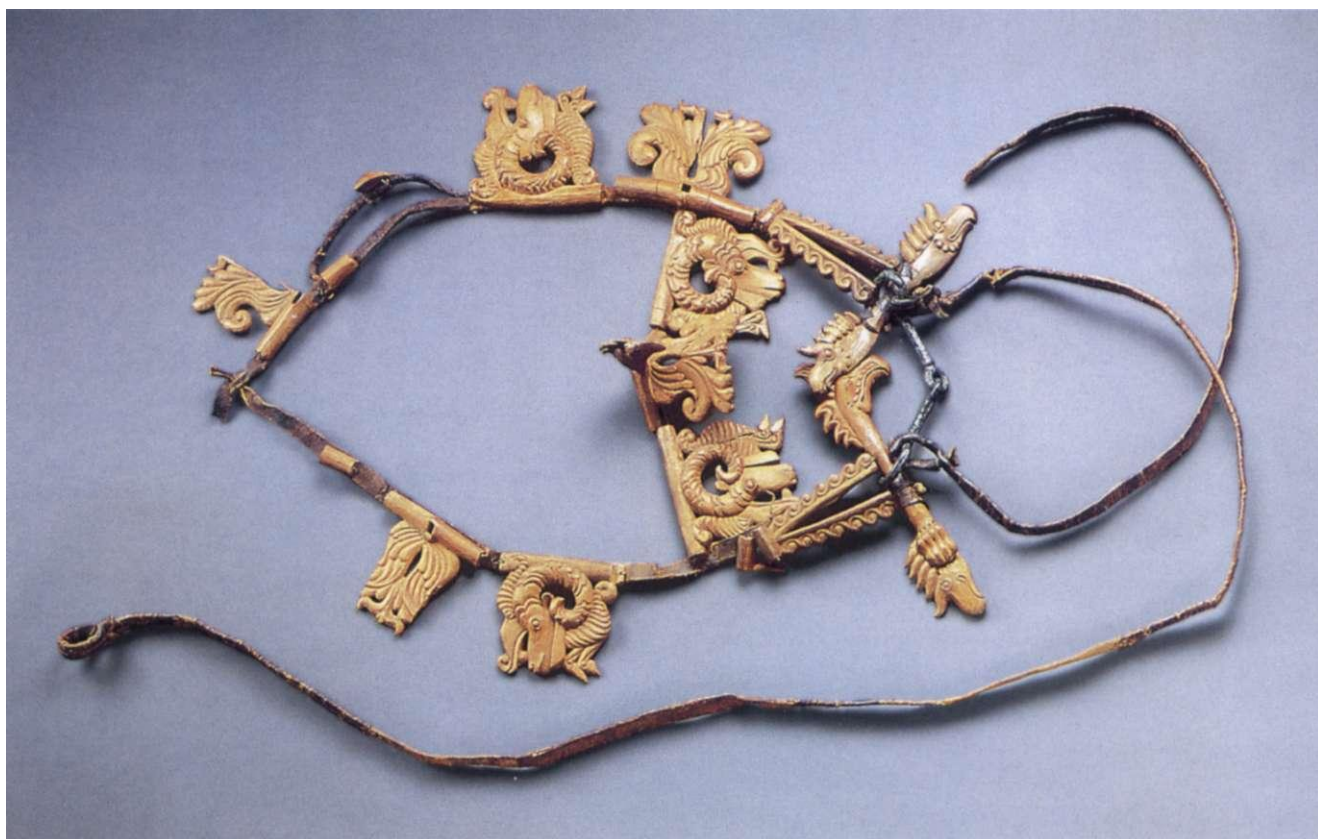

Поясная пластина

V–IV века до н. э.
Золото. 15,2 x 12,1 см
Сибирская коллекция Петра I
Случайная находка 1716 года
Инв. № ГЭ Си 1727 1/161

Конская узда

V век до н. э.
Дерево, кожа, бронза, золото. 50 x 60 см
Алтай, 1-й Пазырыкский курган
Раскопки М.П. Грязнова 1929 года
Инв. № ГЭ 1295/400

Пластина-застежка (правая)

V–IV века до н. э.
Золото. 11,7 x 7,3 см
Сибирская коллекция Петра I
Случайная находка в Забайкалье или
Монголии
Инв. № ГЭ Си 1727 1/13

**Пластинчатая накладка на
ножны меча**

Вторая половина IV в. до н. э.
Золото. Длина 55 см, ширина 8 см
Ростовская область, Елизаветовский
курганый могильник, группа «Пять
братьев», курган 8
Раскопки В.П. Шилова, 1959 год
Ростовский областной музей
краеведения Инв. № РОМК1638\17

Олени и скифское золото

Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов

Одним из основных сюжетов изображений в своеобразном искусстве ранних кочевников были олени, обитавшие на широких просторах Евразии. Для скифо-сибирского «звериного стиля» кочевников Евразийского пояса степей характерны стилизованные изображения сильных и быстрых животных в определенных позах, выполненные с помощью специфических приемов. «Звериный стиль», как правило, использовался в оформлении оружия и конской упряжки.

Изображения «скифского» оленя известны на всей территории евразийской степной зоны. Животные показаны преимущественно в двух позах: стоя или с подогнутыми ногами, вытянутой вперед шеей и поднятой головой. Изображения таких лежащих или «летающих» оленей, часть которых выполнена на так называемых оленных камнях, были распространены в Прикубанье, Северном Причерноморье, в Воронежской лесостепи, встречаются в Центральной Европе, на Северном Кавказе, на Памире, в Казахстане, в Западной Сибири, в Минусинской котловине, Туве, Монголии, Забайкалье и в Ордосе. Все они очень близки друг другу.

Изображения оленей появляются в «скифском мире» в VII в. до н. э. Лишь в отдельных регионах они характерны для эпохи бронзы. Одним из таких районов является Северный Кавказ, где в бронзовом веке в кубанской археологической культуре были достаточно распространены изображения этих животных, стилистически не имеющие общих черт со скифским образом оленя. Тем не менее, скифские изображения, попав на эту территорию, нашли здесь хорошо подготовленную почву для развития (см.: Членова Н.Л. Скифский олень // Материалы и исследования по археологии СССР № 115. М. 1962).

Поразительны выполненные в «зверином стиле» сцены терзаний хищниками (орел, грифон, медведь) копытных животных, в которых одновременно сочетаются фантастические и реалистичные черты. В ряду великолепных произведений искусства древних кочевников стоит роговая пластина из могильника Пятимары I, хранящаяся в Государственном Историческом музее. На этой пластине, принадлежащей к лучшим образцам савроматской резной кости эпохи расцвета звериного стиля в первой половине V в. до н. э., изображена сцена борьбы двух хищников и копытного животного (возможно, оленя).

В искусстве ранних кочевников евразийских степей использовались различные материалы – дерево, бронза, кость, но одним из любимых и востребованных являлось золото. Недаром даже происхождение скифов, согласно одной из версий «отца истории» Геродота, связано с этим металлом: «...Первыми жителями этой ... страны был человек по имени Таргитай..., а у него было трое сыновей: Липоксаис, Арпоксаис и самый младший Колаксаис. В их царствование на Скифскую землю с неба упали золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша. Первым увидел эти вещи старший брат. Едва он подошел, чтобы поднять их, как золото запылало. Тогда он отступил, и приблизился второй брат, и опять золото было объято пламенем. Так жар пылающего золота отогнал обоих братьев, но, когда подошел третий, младший, брат, пламя погасло и он отнес золото к себе в дом. Поэтому старшие братья согласились отдать царство младшему» (Herod. IV, 5).

Любовь к золоту скифов стала нарицательной. Говоря о богатстве скифских царей, Геродот отмечает, что серебро и медь ими вообще не употребляется – только золото. Как писал Г. Боровка, ни одна другая культура древности, даже «златообильные Микены», не может соперничать со Скифией по обилию золота. Богатство золотом скифских курганов указывает на существование крупных источников этого металла на востоке, по всей видимости, в Казахстане и в горах Алтая. Геродот сообщает, что «на севере же Европы, по-видимому, есть очень много золота. Как его там добывают, я также не могу определенно сказать. Согласно сказанию, его похищают у грифонов одноглазые люди – аримаспы» (Herod. III, 116). Эти сведения Геродот почерпнул из эпической поэмы Аристея Проконесского, который впервые написал о «стерегущих золото грифах». Мифические существа с львиным туловищем, змееподобной шеей и орлиной головой – грифоны – известны как в греческом, так и в варварском искусстве. Не случайно даже символом столицы Боспорского царства – Пантикапея – стал грифон. Упоминаемые же древними авторами Рипейские горы – это, согласно мнению различных ученых, либо Уральские, либо Алтайские горы. Именно в этом регионе и были созданы шедевры Филипповских и пазырыкских курганов.

Наиболее образно сообщает о мифических обитателях этого региона прикованный к скале Прометей (Эсхил. Прикованный Прометей. 803-807). Предостерегая Ио, бегущую от гнева Геры на край света, он говорит ей:

*Острокогитых бойся грифов, Зевсовых
Собак безмолвных! Войска одноглазого
Остерегайся Аримаспов-конников,
У золототекучего кочующих
Плутонова потока!*

Картины этого мифологического мира охотно представляли греческие мастера в далеких Афинах, в частности, на пеликах «керченского стиля», во множестве найденных в городах Северного Причерноморья. Здесь грифоны изображались рядом с амазонками и аримаспами, а легендарные девы-воительницы амазонки «ездят верхом, стреляют из луков и мечут дротики, сидя на конях, и сражаются с врагами...» - греческими воинами (Гиппократ. О воздухе, водах и местностях, 24).

Значение золота для варваров-кочевников было очень высоко – с его помощью скифская, а затем и сарматская знать, подчеркивала свою власть и богатство. Не случайно в царских курганах обнаружены сотни золотых украшений изумительной работы. К слову сказать, в IV в. до н.э. – время расцвета древнегреческого ювелирного искусства – Северное Причерноморье было настоящей житницей Греции. В обмен на хлеб текли потоком в города Причерноморья, а через них – к скифской аристократии, неслыханные богатства, в том числе украшения лучших мастеров и золотые монеты, которые впоследствии использовали как сырье для ювелирного производства.

Можно предположить, что многочисленные золотые бляшки, которые происходят из некоторых богатых скифских захоронений, изготавливались специально для погребального ритуала и никогда не использовались в обычной жизни. Действительно, трудно представить себе живого скифского царя, повседневная одежда которого была бы расшита сотнями тонких, мягких, а потому непрочных и непрактичных золотых бляшек. Исследователи в связи с этим не исключают наличие специальной группы ремесленников-ювелиров, которые обслуживали только нужды погребального культа и могли за короткий срок по заказу род-

ственников умершего изготовить необходимые золотые украшения (Гуляев В.И., Савченко Е.И. К вопросу о роли золота в погребальном ритуале скифов // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999). Как писал С.В. Киселев, «при всем блеске золота оно часто граничило с бутафорией». Возможно, в потустороннем мире деревянные олени из Филипповки, в действительности лишь обтянутые золотой фольгой, должны были, по замыслу их создателей, стать золотыми и сопровождать своего владельца в вечность. Нет никаких сомнений, что золото, как благородный металл, излучающий божественное сияние, было связано у многих индоевропейских народов, в том числе и у скифов, с представлениями о солнечном божестве. Как считает Б.А. Литвинский, этот драгоценный металл символизирует также царскую власть (триада «царь» – «огонь» – «золото»). «Вполне вероятно, что при украшении царственных покойников огромным количеством золота доминировала именно эта идея (золото – символ царя, царской власти, царской судьбы и счастья)», – писал он. Таким образом, золото отождествлялось с Солнцем, а смерть царя могла соотноситься с заходом Солнца. Царь умирал вместе с заходом солнца, а затем возрождался с его восходом. Ну а золото давало надежду на сверхъестественную силу, верховную власть и возрождение после смерти.

Пластина с резным изображением сцены борьбы двух хищников и копытного животного (возможно, оленя)

Первая половина V в. до н. э.
 Рог. Длина 51,8 см, ширина 19,3–27 см
 Южное Приуралье, Оренбургская область, Соль-Илецкий район, могильник Пятимары I, курган 4, погребение 3
 Раскопки К.Ф. Смирнова, 1960 год
 Инв. № ГИМ 98068, Б 1256/392

Пластина — оковка закраины деревянного сосуда с изображением стоящего на кончиках копыт оленя с повернутой назад головой

V в. до н.э.
 Золото. Высота 6,8 см, ширина 4 см
 Северное Причерноморье, бывш. Екатеринославская губерния, Верхнеднепровский уезд, д. Дубовая, курган
 Дар Л.В. Войновича
 Инв. № ГИМ 38157, Б 250/1

Пелика краснофигурная с изображением двух грифонов, терзающих лань

Середина IV в. до н. э. Аттика
 Глина. Высота 23,2 см, диаметр 17 см
 Крым, г. Керчь.
 Собрание СВ. Прохорова
 Инв. № ГИМ 54711, Б 88

Пелика краснофигурная с изображением грифона, сражающегося с амазонками

Третья четверть IV в. до н.э. Атика
Глина. Высота 27,8 см, диаметр 16 см
Крым, г. Керчь.
Собрание Е.Р. Запорожского
Инв. № ГИМ 21262, Б 1792

Наконечник культового жезла с протомой оленя и стоящей на его голове обнаженной мужской фигурой

V в. до н. э.
Бронза. Длина 9,5 см
Северный Кавказ, бывш. Терская область, Владикавказский округ, с. Камунта
Собрание К.И. Ольшевского
Инв. № ГИМ 18934, Б 1709/413

Сосуд с зооморфной ручкой

I в. н. э.
Золото, бирюза, кораллы, стекло. Высота 10,3 см
Нижний Дон, бывш. Донская область, Усть-Медведицкий район, ст. Мигулинская
Случайная находка
Собрание А.С. Уварова
Инв. № ГИМ 53072, Б 229/1

Фигуры оленей из Филипповских курганов в процессе реставрации

С 1998 года в Лаборатории научной реставрации произведений прикладного искусства и в Лаборатории научной реставрации произведений прикладного искусства из органических материалов Государственного Эрмитажа производилась реставрация уникальных памятников скифской эпохи – комплекса находок из Филипповских курганов на Южном Урале.

Особую сложность для реставраторов представляли фигуры оленей, многие из которых были сильно деформированы, были утрачены части золотых и серебряных накладок и деревянных оснований. После долгих поисков и экспериментов была найдена оптимальная схема, обеспечившая решение главной задачи – «поставить оленей на ноги» в вертикальной плоскости.

Сложной была и реконструкция чаш, поскольку от них сохранились только золотые накладки, а деревянная основа была полностью утрачена. Но конфигурация и размеры золотых оковок дали основание для надежного и достоверного восстановления формы и облика всего сосуда. Основы чаш изготавливались из композитных материалов путем наращивания их на каркасы из стальной, латунной или медной сетки. После тонировок на основаниях чаш укреплялись золотые накладки. Реконструированные чаши вписались в целую группу разнообразных парадных сосудов скифского времени, украшенных изображениями реальных и фантастических животных, сценами терзания, культовыми и охотничьими сюжетами.

Литература

Абаев В.И. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979. С. 272-364

Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М., 1978

Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык (Скифский царский курган IV в. до н. э.). Киев, 1991

Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага; Л., 1966

Артамонов М.И. Сокровища саков: Амударьинский клад, Алтайские курганы, минусинские бронзы, сибирское золото // Памятники древнего искусства. М., 1973

Баркова Л.Л. Образ орлиноголового грифона в искусстве древнего Алтая (по материалам Больших Алтайских курганов) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 28. Л., 1987. С. 5–29

Галанина Л.К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М., 1997

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980

Грязное М.П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950

Гуляев В.И., Савченко Е.И. К вопросу о роли золота в погребальном ритуале скифов // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999

Доманский Я.В. Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. М., 1984

Завитухина М.П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время // Публикация одной коллекции. Л., 1983

Золотые олени Евразии. Каталог выставки. СПб., 2001

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951

Смирнов К.Ф. Савроматы (происхождение и ранняя история сарматов). М., 1964

Королькова Е.Ф. К вопросу об атрибуции Ставропольского (Казинского) клада // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 32. СПб., 1995. С. 77–89

Литвинский Б.А. «Золотые люди» в древних погребениях Центральной Азии // Советская этнография, 1975. № 3

Манцевич А.Л. Курган Солоха. Л., 1987

Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н. э. СПб., 1996

Пшеничнюк А.Х. Раскопки «царского» кургана на Южном Урале. Препринт доклада. Уфа, 1989

Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен (Опыт реконструкции скифской мифологии). М., 1977

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960

Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. 3–9, М.; Л., 1962

Членова Н.Л. Скифский олень // Материалы и исследования по археологии СССР № 115. М., 1962

Borovka G. Skythian Art. London, 1928

Frozen Tombs. The Culture and Art of the Ancient Tribes of Siberia, Exhibition catalogue, London, 1978

The Golden Deer of Eurasia. Scythian and Sarmatian Treasures from the Russian Steppes, Exhibition catalogue, New York, 2000

Greek Gold. Jewelry of the Classical World, Exhibition catalogue, New York, 1994

Oro. Il mistero dei sarmati e degli sciti, Milano, 2001

Piotrovsky, B., Galanina, L., Grach, N., Scythian Art. The Legacy of the Scythian World: mid-7th to 3rd century B. C., Leningrad, 1986

ISBN 5-9501-0010-7

9 785950 100109